

УДК: 930.26(571.64)

О раннем неолите Сахалина: стоянка Адо-Тымово-2

**Оксана Вадимовна
Яншина,**

старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
E-mail: oyanshina@mail.ru

**Сергей Вячеславович
Горбунов,**

научный сотрудник Тымовского краеведческого музея.
E-mail: aborigen-s@yandex.ru

**Ярослав Всеволодович
Кузьмин,**

старший научный сотрудник Института геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск.
kuzmin@fulbrightmail.org

В статье даётся характеристика материалам поселения Адо-Тымово (Пузи)-2. Памятник открывает эпоху неолита на Сахалине и содержит остатки древнейшей керамической посуды в регионе. Коллекция его представлена сразу двумя комплексами этого периода, возраст которых обозначен C^{14} датами в пределах 7790 ± 65 — 7520 ± 70 л.н. Один из них по облику близок к материалам культуры сони и отражает этап её формирования, другой — к материалам культуры пластинчатых наконечников на Хоккайдо (Футацуяма, Токоро-14, Меманбetsу).

Ключевые слова: ранний неолит, керамика, культура сони, культура пластинчатых наконечников стрел, Сахалин, Хоккайдо.

On the early Neolithic period of the Sakhalin island: Ado-Tymovo-2 settlement.

Oksana V. Yanshina, Senior Researcher, Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkammer).

Sergei V. Gorbunov, Tymovskiy Museum of Local Lore.

Yaroslav V. Kuzmin, Senior Researcher, Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.

The article characterizes the settlement Ado-Tymovo (Puzi)-2 that opens the Neolithic period in Sakhalin Island, and contains the remains of the oldest ceramic wares in the region. A collection includes two assemblages of this period, the age of which is indicated by the C^{14} dates ranging from 7790 ± 65 (BP) to 7520 ± 70 (BP). One of them is similar with Sony culture, outlining the period of its formation, the other resembles the culture of blade type arrowheads in Hokkaido (Futatsuyama, Tokoro-14, Memambetsu).

Keywords: early Neolithic period, ceramics, Sony culture, blade type arrowheads, Sakhalin, Hokkaido.

В связи с открытием в бассейне Японского моря финально-плейстоценовых комплексов с керамикой особую актуальность в дальневосточной археологии приобрели работы, посвящённые изучению начальных этапов неолита. Успехи этого направления исследований вполне очевидны, и среди них должны быть отмечены последние достижения сахалинских археологов [Василевский, 2008; Грищенко, 2009, 2010; Василевский и др., 2010]. Открытие новых памятников позволило им выделить этапы неолита, предшествующие складыванию южно-сахалинской культуры, долгие годы считавшейся первой неолитической культурой на Сахалине. Один из этапов (13—9 тыс. л.н.) оценивается ими как переходный от палеолита к неолиту, в рамках которого ещё сохраняются палеолитические традиции в хозяйстве, образе жизни и материальной культуре, а другой — как этап раннего неолита (9—7 тыс. л.н.), когда здесь появляются первые собственно неолитические комплексы.

Маркером, определяющим границу между двумя этапами, стала керамическая посуда, впервые появившаяся на Сахалине в памятниках раннего неолита. Она найдена на многих стоянках (Славная-4, Адо-Тымово-2, Чайво-6 и др.) (рис. 1) и датируется по углю из слоя в пределах 7445 ± 115 — 8780 ± 135 л.н. Специальное исследование керамики пока не проводилось, и технико-типологические её характеристики остаются не очень понятными. Известно, что она весьма вариабельна и имеет сходство как с керамикой древнейшего дзёмона Хоккайдо, так и с керамикой более северных регионов, прежде всего осиповской культуры из бассейна Нижнего Амура [Василевский, 2008, с. 160—161]. Каменная индустрия, сопровождающая первую керамику Сахалина, также многообразна. Часть ранне-неолитических комплексов с керамикой связана с пластинчатой индустрией, типологически сопоставимой с инвентарём культуры пластинчатых наконечников стрел на Хоккайдо (Славная-5, Одопту-2), другая часть, помимо пластинчатых артефактов, содержит также изделия бифасиального комплекса (Славная-4, Поречье-4, Пугачёво-1) [Грищенко, 2009; Василевский и др., 2010]. В коллекциях представлен классический для неолита инструментарий: топоры, тёсла, абразивы, калибраторы, грузила, а также специфические для южной части дальневосточного региона шлифованные каменные стержни [Василевский, 2008, с. 162—175].

В статье предложены ранее не публиковавшиеся материалы стоянки Адо-Тымово-2 (Пузи-2) — одного из опорных памятников раннего неолита Сахалина¹. На этой стоянке собрана наиболее богатая и многочисленная керамическая коллекция, и именно с ней связана серия радиоуглеродных дат, позволяющих датировать ранний неолит Сахалина весьма древним возрастом. Памятник исследовался в 1985 г., 1996—1998 гг. С.В. Горбуновым [2000] (рис. 1). Расположен он на севере Сахалина около с. Адо-Тымово на левом берегу р. Тымь, на вершине горы, возвышающейся над поймой на 110 м. На его территории выявлены три жилищные

¹ Авторы признательны В.А. Ракову за помощь в видовом определении моллюсков, В.О. Шубину и О.А. Шубиной за помощь в организации работы с коллекциями Сахалинского областного краеведческого музея, а также за полезные консультации.

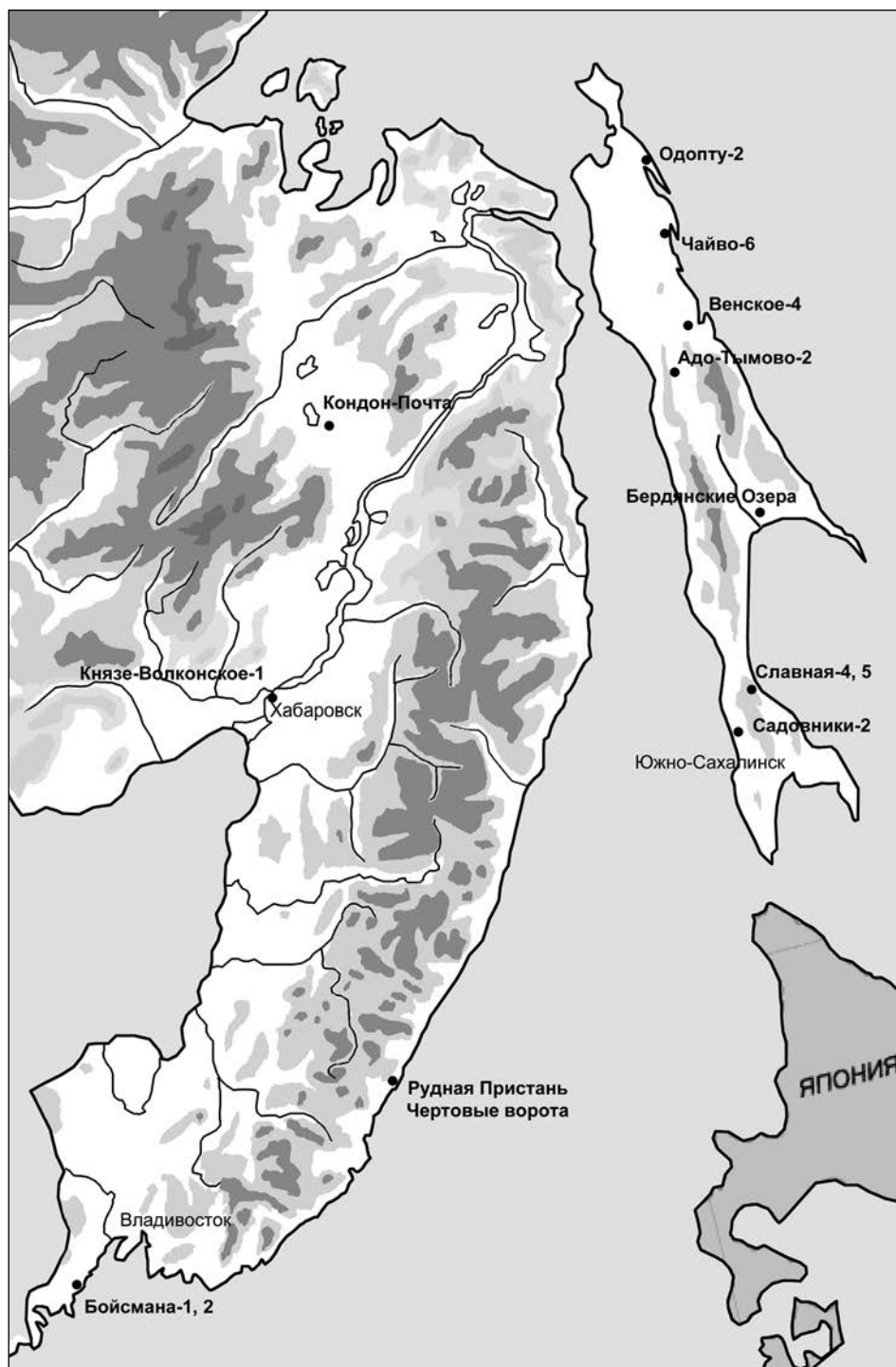

Рис. 1. Карта основных памятников, упоминаемых в тексте

западины. Общая вскрытая площадь составила около 160 кв.м. Возраст стоянки определяется радиоуглеродными датами, полученными по углю из слоя в ходе работ 1985 г. [Kuzmin et al., 2004], а также по нагару на керамике.

Индекс	Материал	¹⁴ C дата, л.н.	Кал. дата, гг. до н.э.
СОАН-3819	Уголь	8780±135	8230—7590
АА-36388	Уголь	7790±65	6810—6470
АА-36389	Уголь	7610±60	6590—6380
СОАН-4064	Уголь	7535±135	6640—6100
АА-36387	Уголь	7520±70	6480—6230
АА-86215	Нагар на керамике	7215±45	6210—6010

Каменный инвентарь стоянки представлен 8779 артефактами, из них 25 галек или аморфных нуклеусов с негативами снятия отщепов, 8226 отщепов и сколов, а также 538 орудий из камня и их обломков (табл. 1). Большая часть артефактов, включая отщепы и гальки (95,92%), изготовлена из сургучно-красной яшмовидной породы (табл. 2). Помимо красной яшмы, использовался также окремнённый алевролит (2,80%), окремнённый аргиллит (0,49%), серовато-зелёный кремнь (0,17%), в единичных случаях — другие породы камня. В целом инвентарь памятника свидетельствует о наличии как пластинчатой, так и бифасиальной технологии обработки камня.

Для пластинчатой индустрии характерно наличие ножевидных пластин (155 экз.) и пластинчатых отщепов (22 экз.), снятых с призматических нуклеусов (7 экз.), а также изделий на пластинах (рис. 2). Среди пластин преобладают мелкие (1,5—2 см) и средние (3—5 см), подавляющее большинство их изготовлено из сургучно-красной яшмовидной породы (рис. 2, 1—26; 29—30; 33—34). По материалу и размерам им соответствуют семь призматических нуклеусов, найденных на стоянке (рис. 3, 1). Но в коллекции есть серия пластин из другого материала — светлого окремнённого алевролита (рис. 2, 27—28; 31—32; 35—37). Они намного крупнее, некоторые пластины размером 9—11 см. Хотя их количество невелико, но следует отметить, что пока не найдено ни одного нуклеуса, соответствующего этим пластинам. Возможно, они относятся к более раннему времени, чем основной комплекс пластин. Несколько выпадает из каменной индустрии стоянки и концевой скребков на сравнительно крупной пластине из обсидиана (рис. 3, 11). Обсидиан на Сахалине, как известно, являлся продуктом импорта с соседнего Хоккайдо. Отсутствие его в материалах стоянки Адо-Тымово-2 позволяет предположить, что этот скребок был найден её обитателями на каком-либо более раннем памятнике. Бифасиальный комплекс включает большинство категорий каменных орудий памятника — ножи-бифасы (рис. 3, 4), ножи-вкладыши, наконечники стрел и дротиков (рис. 3, 2, 5—7, 15), проколки (рис. 3, 8—9), некоторые скребки и ножевидно-скребловидные орудия. Большая часть изделий фрагментирована, и в целом их количество невелико.

Таблица 1

Каменные артефакты стоянки Адо-Тымово-2

Наименование	Подъёмка	Слой 1	Слой 2	Слой 3	Слой 4	Всего
Нуклеусы призматические	1	3	1	2	—	7
Пластины ножевидные	14	43	75	17	6	155
Пластинчатые отщепы	—	19	3	—	—	22
Фрагменты орудий	—	16	3	—	—	19
Скребки	3	4	20	5	1	33
Скребки концевые	1	21	9	1	2	34
Скребки боковые	4	13	13	—	—	30
Скобели	—	2	2	—	—	4
Ножевидно-скребловидные орудия	2	6	6	1	2	17
Ножи-бифасы	10	47	60	8	3	128
Резцы с диагональным сколом	—	1	1	—	—	2
Ножи-вкладыши	—	2	3	—	—	5
Рубящие орудия	2	8	8	—	—	18
Наконечники метательных орудий	—	2	3	1	—	6
Наконечники стрел	1	8	15	2	—	26
Проколки	—	2	7	—	—	9
Скребок-проколка	—	1	—	—	—	1
Проколка-скобель	—	1	—	—	—	1
Калибратор	—	—	—	1	—	1
Ретушёр (?)	1	—	—	—	—	1
Каменный мини-сосуд	—	1	—	—	—	1
Грузило рыболовное	1	—	1	—	—	2
Календарь	—	—	1	—	—	1
Фаллос	—	1	—	—	—	1
Стержень каменный	1	—	—	—	—	1
Амулеты (конкреции)	3	—	—	—	—	3
Окаменелость раковины двухстворчатого моллюска	1	—	—	—	—	1
Отщепы	743	3839	2963	1	680	8226
Гальки	5	13	6	1	—	25
Итого, экз.	793	4052	3200	40	694	8779

Керамическая коллекция памятника, как уже упоминалось, представлена двумя культурно-хронологическими комплексами. С одним из них связана толстостенная керамика с органическим отошителем в тесте, обработанная снаружи раковиной; к другому относится более тонкостенная посуда с минеральным отошителем и узором из коротких вертикальных оттисков [Василевский, 2008 б, с. 151—152]. По мнению А.А. Василевского, ранней является посуда со следами заглаживания раковиной, т.к. она

Таблица 2

Сырьевой состав коллекции каменных артефактов стоянки Адо-Тымово 2

Порода	Подъёмка		Слой 1		Слой 2		Слой 3		Слой 4		Всего	
	1 ¹	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Красная яшма	719	32	3749	160	2868	189	2	17	678	9	8016	407
Окремненный алевролит	15	9	67	29	84	27	—	14	1	—	167	79
Окремненный аргиллит	6	—	22	4	7	4	—	—	—	—	35	8
Зеленый кремьень	3	—	6	—	6	—	—	—	—	—	15	—
Халцедон	—	—	4	—	1	—	—	—	—	—	5	—
Обсидиан	—	—	1	1	1	—	—	—	1	—	3	1
Андезито-дацит	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Коричневый кремьень	1	—	—	2	—	1	—	—	—	—	1	3
Серый кремьень	—	—	2	2	—	3	—	2	—	1	2	8
Сланец зеленый	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Песчаник	4	—	—	3	—	17	—	5	—	—	4	25
Гагат	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Глинистый сланец	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2	—
Кремнистый сланец	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Роговик	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Лимонит	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Итого, экз.	748	45	3852	201	2969	244	2	38	680	10	8251	538

¹ 1 — отщепы и гальки; 2 — изделия из камня.

типична для начальных этапов неолита бассейна Японского моря, а потому вполне может быть соотнесена со всеми полученными радиоуглеродными датами. С неё и начнём более подробное описание керамической коллекции стоянки.

Для удобства назовём этот керамический комплекс адо-тымовским. С ним связано большое количество сосудов разной степени сохранности, в том числе и археологически целые. Они отличаются светлыми желтовато- или розовато-белёсыми поверхностями, в изломе, как правило, серые или тёмно-серые, но не чёрные. Цвета и изломов, и поверхностей чистые, однородные, никаких пятен и пестроты. Керамика прочная, иногда очень прочная, толщина стенок 0,9—1,1 см.

Изготовлена адо-тымовская посуда из глины с добавками ракушки, что устанавливается достаточно легко по характерным признакам — пластинчатым пустотам, в том числе с отпечатками скульптуры раковины (рис. 4, 3). Последние выявлены всего на восьми фрагментах, достоверно удалось определить вид ракушки только на одном из них. Это была жемчужница сахалинская (?) (*Dahurinaia cf. laevis*) — двустворчатый пресноводный

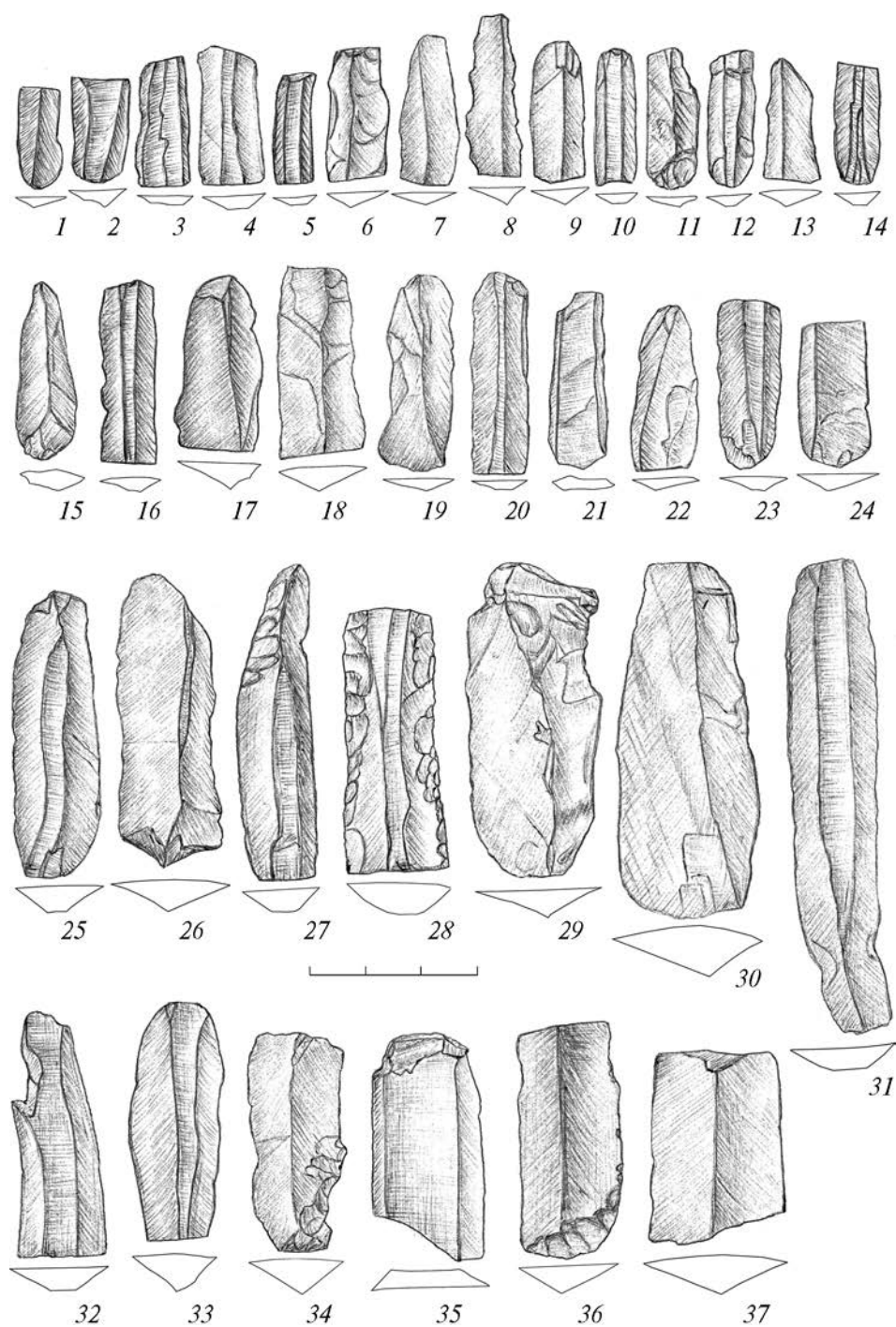

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Адо-Тымово-2

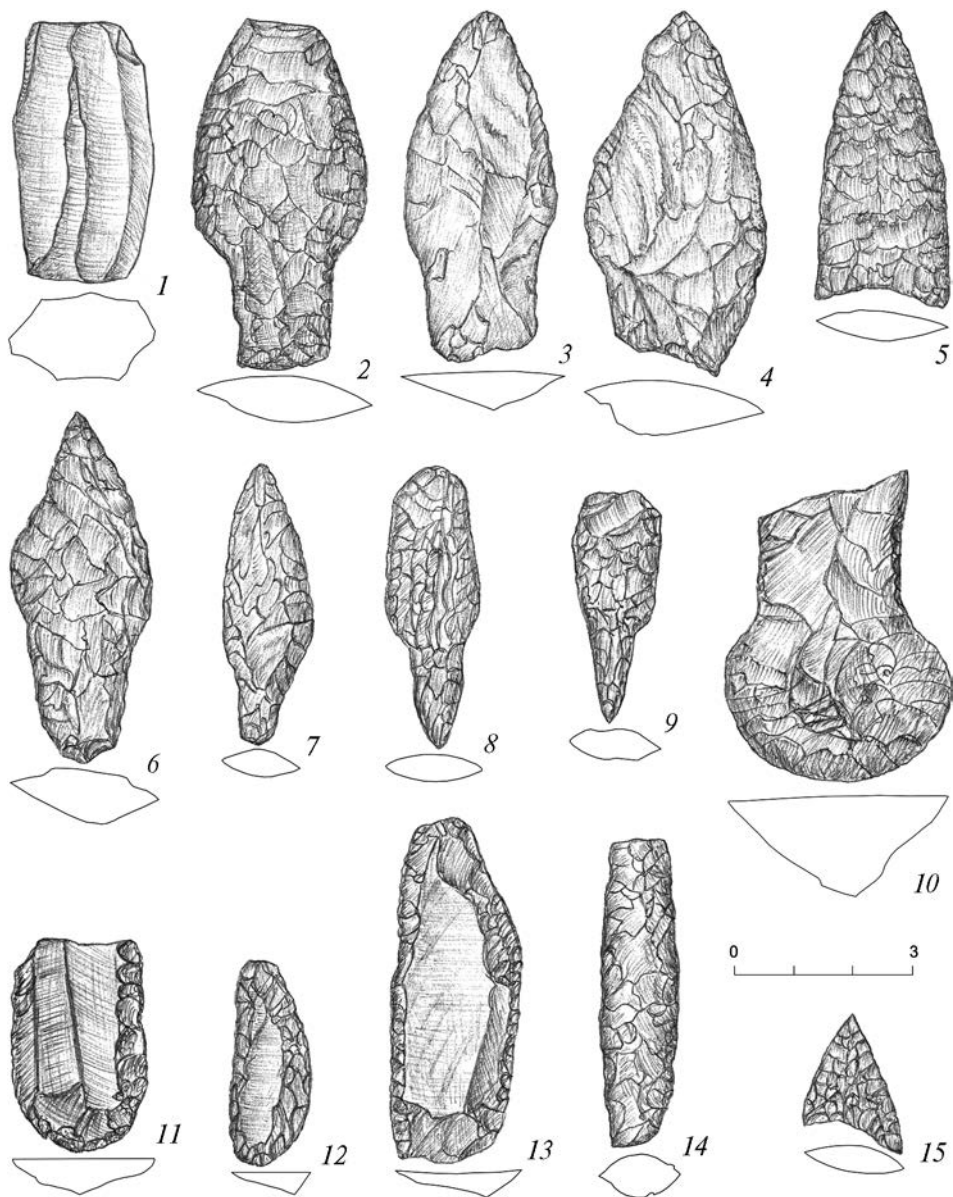

Рис. 3. Каменный инвентарь стоянки Адо-Тымово-2

моллюск, обычный для рек Сахалина, встречается и в раковинных кучах поздних эпох (рис. 4, 1). На поверхности отпечатка сохранился чёрный след, очевидно, обусловленный сгоранием верхнего рогового слоя раковины — периостракума. Судя по размеру пустот, в формовочную массу вводили крупнодроблёного моллюска. Причём по их абрису можно заключить, что помимо самой раковины, оставляющей пластинчатые пустоты с плоским ложем и остроугольными ограничениями, в тесто добавлялось и мясо моллюска, которое оставляло аморфные и сглаженные по очертаниям поры разной глубины. Объём ракушки в тесте значительно

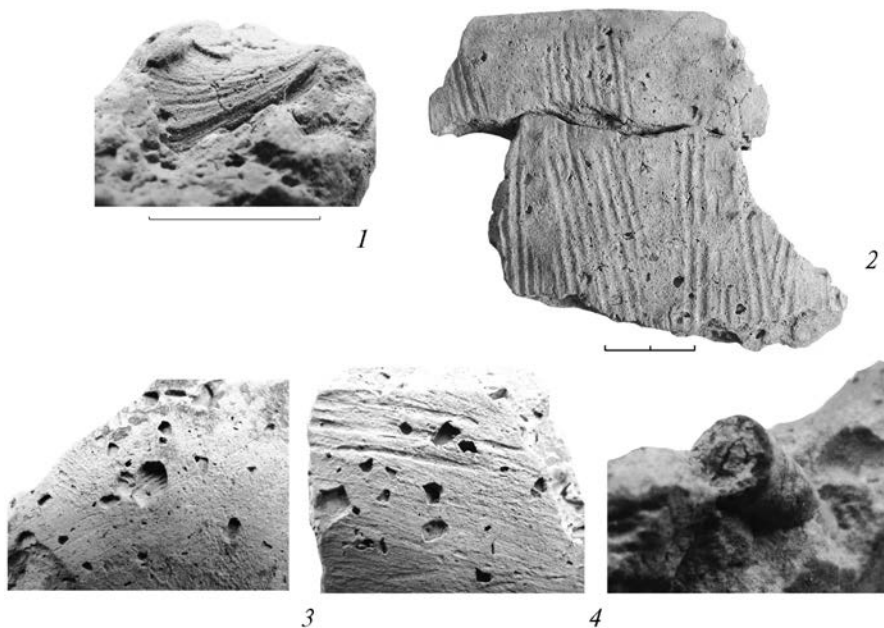

Рис. 4. Керамика с примесью ракушки стоянки Адо-Тымово-2

варьирует. На одних фрагментах фиксируются лишь отдельные поры на поверхностях и в изломах, на других они более многочисленны, на третьих довольно обильные, и в этом случае черепок сплошь пронизан порами — пластинчатыми, игольчатыми, аморфными. На некоторых черепках поры могли отсутствовать. В целом можно сказать, что для адо-тымовской посуды характерны необильные включения раковины.

Помимо ракушки, в составе керамики отмечаются также необильная мелкая минеральная примесь (скорее всего, естественного происхождения) и добавки шамота желтовато-сероватого, светло-серого или красно-коричневого цвета. В последнем случае можно предположить, что для изготовления шамота использовались дроблённые глинистые «трубочки» естественного происхождения. В тесте одного из фрагментов такая «трубочка» найдена в целом состоянии (рис. 4, 4). Объём шамотных добавок «на глаз» определить сложно, но встречается шамот достаточно часто, хотя имеет в основном мелкие размеры.

Формовка адо-тымовских сосудов велась путём скульптурной лепки узкими лентами-жгутами шириной 1—2,5 см (рис. 5, 6). Это отчётливо читается по многочисленным следам спая. Крепились они внахлёт (рис. 5, 4, 6) или встык, в зависимости от чего оставались спаи разной конфигурации: короткие скосы, что фиксируется чаще, или щели и «валики» соответственно в верхних и нижних горизонтальных изломах. Встречаются, но редко, и классические вытянутые «ленточные» спаи. Почти все случаи распада черепков по спаю приходятся на среднюю или придонную части тулова. Доньшки в коллекции редки. Они плоские, часто с небольшой внешней закраиной. У двух на наружной стороне по краям

сохранились отпечатки основы, определить характер которой не удалось. Внутри на донных лепёшках обычно сохраняются многочисленные отпечатки пальцев.

Внутренние поверхности адо-тымовских сосудов отличаются неровностью или отсутствием специальной обработки. Внешние, напротив, всегда выравнивались и выглаживались, на них оставались следы субвертикальной направленности от прочёса гребенчатым инструментом с пятью-шестью зубцами (рис. 4, 2; 5, 4, 6). Они занимали обычно верхнюю часть тулова. В одном случае гребёнкой была обработана только внутренняя стенка около устья, прочёсы здесь имели субгоризонтальную направленность (рис. 4, 5). На одном крупном обломке тулова гребёнкой были обработаны сразу обе поверхности, причём в разных направлениях. Помимо гребенчатого инструмента, встречаются также следы от заглаживания деревянным или костяным шпателем с плоской поверхностью, оставляющие очень узкие и ровные параллельные бороздки-царапины.

Готовые сосуды отличались разными размерами — от больших с диаметром устья около 30 см до маленьких с диаметром устья не более 8 см (рис. 5, 1—3). Дно их обычно имело форму неправильного круга; в одном случае на обломке отчётливо фиксировался «угол», что указывает на четырёхугольную форму дна. Венчики либо прямые, либо чуть вогнутые у самого кончика, обрезы довольно массивные, с округлёнными очертаниями. Стенки плавно расширялись от дна к устью. По степени вытянутости выделяются сосуды низкой формы (соотношение высоты к максимальному диаметру-устью 0,6—0,63) и сравнительно высокой (соотношение 0,84—0,96).

Никакого орнамента на стенках не было. Исключение составляют несколько случаев, когда в приустьевой зоне сосуды были украшены наклепными деталями. У одного из них чуть ниже устья с двух сторон располагались горизонтальные наклепные ручки длиной около 5 см, с двумя сквозными отверстиями в каждой, срез горловины над ручками имел заметный плавный выступ — «ухо» (рис. 5, 1). У другого сосуда, от которого сохранился только фрагмент, на венчике отмечены два небольших смыкающихся друг с другом выступа-«ушка» (рис. 5, 8). У третьего сосуда на венчике также оформлен плавный выступ-«ухо», а сразу под ним — сквозное отверстие (рис. 5, 7). На обресе этого венчика имелся узор — ритмично повторяющиеся проколы четырёхзубым острым инструментом. Сквозные отверстия встречаются на адо-тымовских сосудах, но нечасто, при этом они всегда просверлены с двух сторон и имеют биконическую форму.

Керамика адо-тымовского комплекса очень специфична, аналогии ей можно найти только в памятниках начальных этапов неолита Сахалина. Среди них отметим, прежде всего, стоянку Венское-4 [Шубин, 2008], с материалами которой нам удалось ознакомиться. Керамику обоих памятников объединяет присутствие ракушки и шамота в составе теста, светлые белёсые поверхности, прочный черепок, формовка сосудов жгутами «встык», простые плоскодонные формы сосудов усечённо-конических

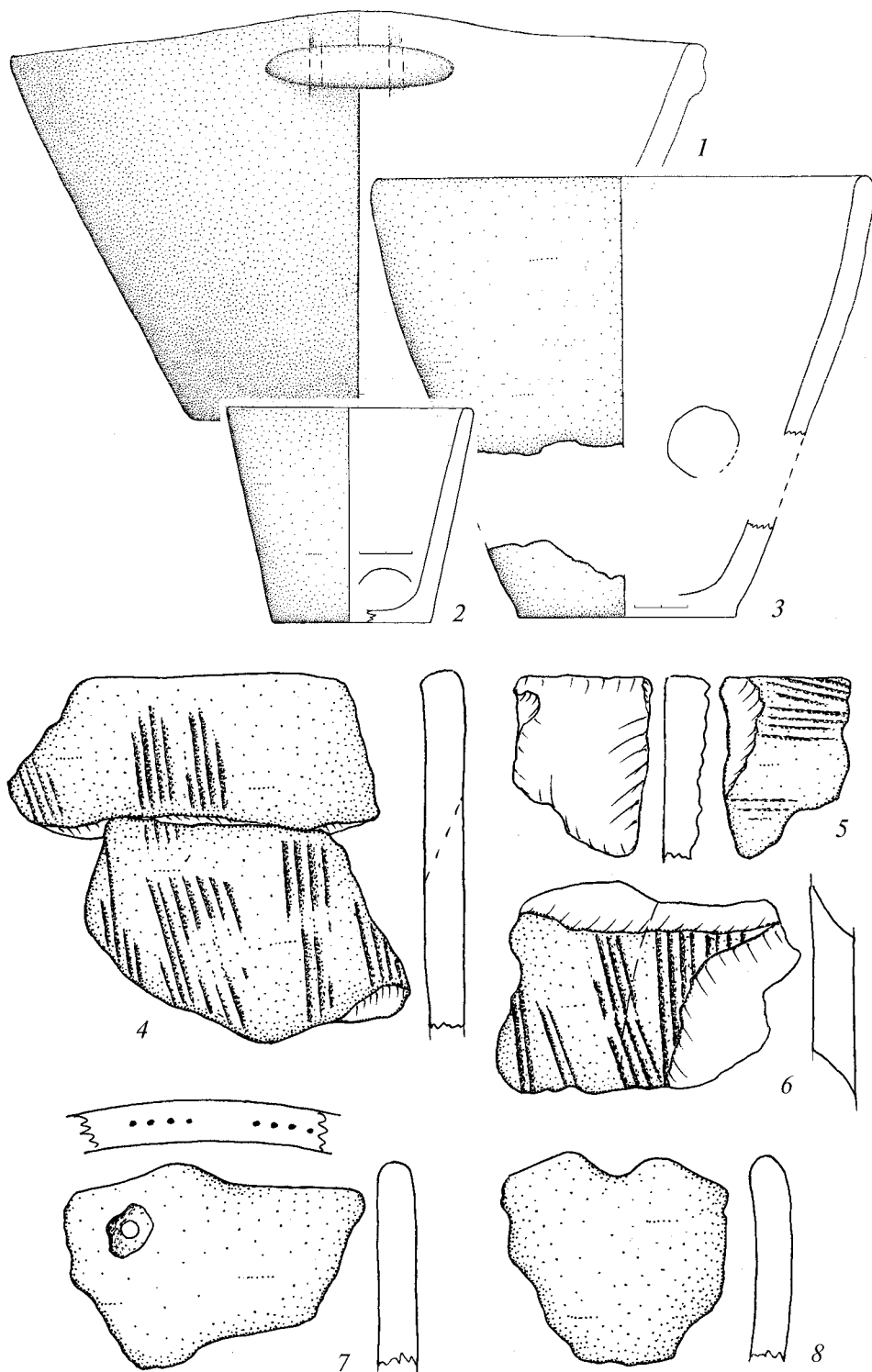

Рис. 5. Керамика с примесью ракушки стоянки Адо-Тымово-2

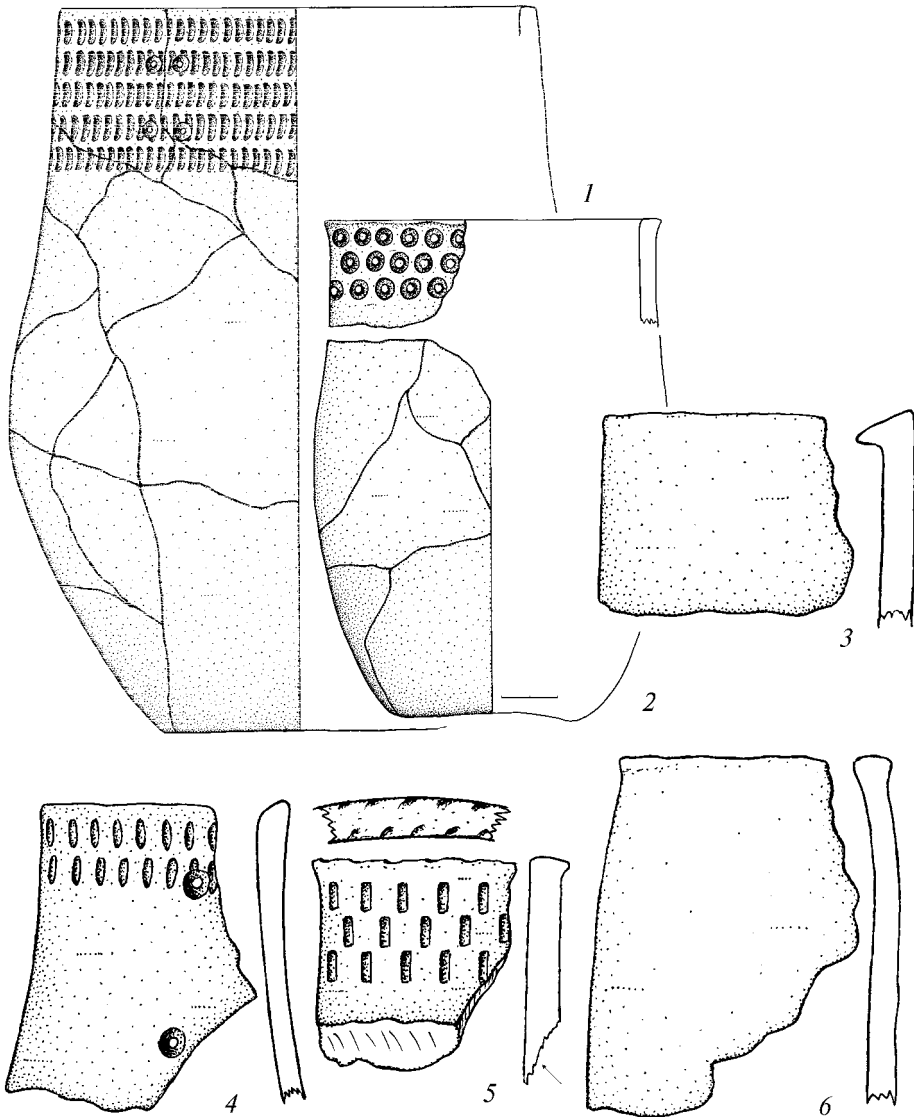

Рис. 6. Керамика с минеральной примесью стоянки Адо-Тымово-2

очертаний, одинаковое оформление венчиков, сходные по рисунку отпечатки основы на доньшках, наличие на последних небольшой внешней закраины. Керамику Венского-4 отличают гораздо более обильные включения шамота в тесто в сочетании с чуть менее обильной примесью ракушки, отсутствие декора, а также наличие доньшек с подчёркнуто четырёхугольной в плане формой.

Интересно, что признаки, объединяющие керамику обоих памятников, одновременно сближают её и с керамикой культуры сони, но в материалах последней они представлены уже в более устоявшемся и отточенном виде. Форма доньшек из неправильной овальной или округлой

трансформируется в подчёркнуто подпрямоугольную, что отчётливо фиксируется на посуде со стоянки Венское-4. Обычной становится практика использования основы для формовки сосудов, распространяется декор, основные особенности которого (налепные ручки и ушки на венчиках) мы наблюдаем и на адо-тымовской посуде. Однако более всего показательно сходство рецептуры формовочных масс, особенно добавок в тесто дроблёного моллюска и шамота.

Надо отметить, что ранее такой состав отошителя в керамике южносахалинской культуры не отмечался, но указывалось наличие в ней крупных пор неустановленного происхождения [Голубев, Жущиховская, 1987]. Однако непосредственный анализ керамики культуры сони из коллекции памятника Садовники-2 позволяет уверенно заключить, что эти поры также представляют собой остатки уничтоженной временем раковины, на что указывают и характер самих пор, и отпечатки наружной скульптуры раковины на ложе некоторых из них. Фиксируется в составе керамики культуры сони и шамот, в том числе и дроблёные глинистые «трубочки» естественного происхождения. Очень похоже на то, что адо-тымовская посуда из рассматриваемого комплекса и керамика стоянки Венское-4 фиксируют начальное состояние той керамической традиции, которая известна нам по памятникам культуры сони. Согласуются с этим выводом и некоторые наблюдения В.О. Шубина. По его мнению, комплекс стоянки Венское-4, в том числе её керамика, более всего близок к южносахалинской культуре, но имеет несколько ранний по сравнению с последней облик [Шубин, 2008, с. 150—152].

Определённый интерес вызывает ещё один памятник — стоянка Чайво-6. В.А. Грищенко отмечает, что её орудийный набор находит аналогии в культуре сони, по его же данным, сосуды, найденные на стоянке, изготавливались на основе, которой служила древесная щепка [Грищенко, 2008, с. 34]. При работе с керамикой культуры сони из коллекции Садовники-2 нам также приходилось фиксировать отчётливые отпечатки древесины на тыльной стороне доньшек (см. колл. СОКМ № 4334/576; 3827/2001 и др.). Близки адо-тымовской посуде и формы сосудов со стоянки Чайво-6, и их светлые оттенки, и присутствие в тесте крупных пор от органического отошителя [Там же].

К тому же кругу памятников, по-видимому, должна быть отнесена и стоянка Бердянские озёра-2. Для её керамики (см. колл. СОКМ № 578) характерны всё те же черты — присутствие в составе теста крупнодроблёного моллюска, светлые розовато-белёвые поверхности, толстые стенки, прочный черепок. Кроме того, с адо-тымовским комплексом её объединяет присутствие на поверхности следов гребенчатой обработки, на что обращал внимание и А.А. Василевский. По его мнению, наличие гребенчатых прочесов роднит сахалинскую раннюю керамику с широким кругом дальневосточных культур начального неолита, в первую очередь с осиповской [Василевский, 2008 б, с. 151, 161].

Хотелось бы отметить, что ко времени появления на Сахалине керамики, даже если принять для неё самую раннюю дату стоянки Адо-Тымово-2,

осиповская культура уже прекратила существование [Шевкомуд, Яншина, 2010]. В это время техническая обработка сосудов гребенчатыми орудиями сохранилась только на Хоккайдо, с населением которого, как известно, у жителей Сахалина давние контакты [Василевский и др., 2010]. С учётом этого представляется более логичной связь данного вида обработки адо-тымовских (и вообще сахалинских) сосудов с керамическими традициями раннего неолита Хоккайдо, а не с осиповской культурой Приамурья. Этот вывод подтверждает ещё одно наблюдение.

На известной нам сахалинской посуде гребенчатые трассы чаще всего встречались на наружных стенках, тогда как в осиповской культуре — на внутренних [Шевкомуд, Яншина, 2010]. Это свидетельствует об определённых различиях в стереотипах формовки, кроме того, на наружных стенках адо-тымовской посуды трассы имели субвертикальную ориентацию, что совсем не типично для осиповской культуры, но зато часто встречается на керамике Хоккайдо [Китазава Минору, 1999]. Следует также иметь в виду, что пока никакого сходства ранней сахалинской керамики с осиповской не выявлено, тогда как некоторые аналогии между первой и керамикой раннего неолита Хоккайдо уже отмечались в литературе [Грищенко, 2008; 2010; Василевский и др., 2010].

Конечно, все эти рассуждения не снимают общего вопроса об источниках проникновения на Хоккайдо традиции технической обработки сосудов гребёнками. Как известно, ранние керамические комплексы этого региона были связаны с культурой пластинчатых наконечников стрел, истоки которой японские исследователи традиционно видят в культурах прибрежных регионов Восточной Азии [Кимура, 1999]. Анализ керамических коллекций этой культуры показывает, что, по крайней мере, стилистически они не связаны с древнейшей керамикой Японского архипелага, орнаментация которой была представлена исключительно налепными валиками и ногтевыми отпечатками/защипами. Такие технологические признаки, как гребенчатый прочёс, а также использование верёвки в декоре и обработке стенок, появляются на Японских островах сравнительно позже, и источником их могли быть только материковые культуры с древнейшей керамической посудой, где эти признаки известны в самых ранних комплексах. В этих построениях Сахалин вполне мог служить транзитной зоной на пути материкового влияния на северную часть Японского архипелага. Однако анализ реальных керамических комплексов раннего неолита Сахалина пока это предположение не подтверждает.

В контексте этих рассуждений интересен вопрос о возрасте адо-тымовского керамического комплекса. Исходя из материалов стоянки Адо-Тымово-2, возраст может быть определён в пределах того интервала, который очерчен радиоуглеродными датами, оснований для более точного соотношения его с той или иной датой нет. Самые ранние даты для памятников культуры сони — 6740 ± 150 л.н. (Садовники-2), 6588 ± 125 л.н. (Стародубское-3, жилище № 154), 6550 ± 125 л.н. (Славная-5), 6350 ± 140 л.н. (Славная-4) [Василевский и др., 2010]. Очевидно, что адо-тымовская посуда должна быть более ранней, но насколько — пока нет ответа. Недав-

но по нагару с черепка адо-тымовского сосуда была получена новая дата 7215 ± 45 л.н. Интересно, что она соотносится с возрастом стоянки Чайво-6 (6895 ± 100 и 6945 ± 90 л.н. [Грищенко, 2008]), имеющей сходный облик керамической посуды. Обе даты получены по углю из заполнения жилища, обе лишь немногим древнее самых ранних дат культуры сони. Если всё так, то не исключено, что с керамикой адо-тымовского комплекса могут быть соотнесены лишь поздние даты стоянки Адо-Тымово-2, наиболее близкие к возрасту стоянки Чайво-6.

Второй комплекс керамики стоянки Адо-Тымово-2 ещё более интересен. К нему относится серия разрозненных фрагментов, а также два археологически целых сосуда. Общей их особенностью следует считать минеральную примесь, причём её текстура варьировала. Часть сосудов была изготовлена из глины с добавками крупной и очень крупной фракции отощителя, среди которого встречаются как окатанные мелкие камни, так и обломки дроблёной кремнистой породы сургучного цвета. Тесто таких сосудов было комковатым и не имело в составе мелкой фракции песка, придающей черепкам характерную зернистость. Другая часть сосудов, напротив, отличалась присутствием в тесте только мелкозернистого наполнителя, эпизодически и здесь встречались более крупные породные обломки, в том числе дроблёной кремнистой породы сургучного цвета. В составе теста обеих групп регулярно фиксируется шамот коричневого, желтовато- или красновато-коричневого цвета, объём которого визуально определить очень сложно.

В составе этого комплекса нами также выявлен фрагмент керамики, в тесте которого сохранилась глинистая «трубочка» естественного происхождения. Надо сказать, что при знакомстве с керамикой Сахалина такие «трубочки» встречались постоянно, причём в памятниках различных культур и эпох. По-видимому, это какая-то особенность сахалинского гончарства. В культуре нивхов известны случаи использования данного сырья местными жителями при изготовлении бус¹.

На сосудах обеих групп технический декор отсутствовал, но иногда на поверхностях встречаются следы грубого заглаживания, не имеющие регулярных очертаний и напоминающие трассы от пучка травы. Они могут встречаться как на внутренних, так и на внешних поверхностях, в том числе есть обломок венчика, где поверх таких следов был нанесён типичный для данного комплекса декоративный орнамент. Кроме того, следует отметить, что у сосудов данного комплекса наружные поверхности нередко имели следы неблестящего лощения, особенно часто это встречается на сосудах с мелкозернистым отощителем. В отличие от сосудов с ракушками у сосудов с минеральной примесью нет резкой разницы в обработке внутренних и внешних стенок. Венчики их имели плоские обрезы, скошенные или с закраинами, доньшки тонкостенные, с плавным оформлением перехода и отсутствием закраины. Следы спая встречаются намного реже, это короткие скосы от формовки лент-жгутов внахлест.

¹ Устное сообщение В.Д. Федорчука.

Интересно, что сосуды с разной текстурой отличались и некоторыми особенностями морфологии. Так, посуда с разнотекстурным отощителем обычно имела сильно приплюснутые венчики с выступающими в одну или обе стороны закраинами (рис. 6, 3, 6). Кроме того, у неё отсутствовал орнамент. Сосуды, изготовленные из мелкозернистого теста, отличались более аккуратными венчиками и присутствием орнамента, хотя и не всегда. Такие сосуды чаще имели красновато-розоватый цвет поверхностей, тогда как для сосудов первой группы более типичны коричневатые или серые оттенки. Орнамент довольно однообразный: узкий пояс оттисков стэка круглой (рис. 6, 2) или вертикальной подпрямоугольной формы (рис. 6, 1, 4–5), оконтуривающих устье сразу под венчиком. Внутри пояса оттиски стэка располагались горизонтальными рядами (от двух до пяти), иногда в подчёркнуто шахматном порядке (рис. 6, 5). Лёгкими оттисками могли оформляться и обрезы венчиков. Два археологически целых сосуда дают представление о форме ёмкостей (рис. 6, 1–2). Их особенность — широкое дно (приближающееся по диаметру к значениям устья) и закрытый контур, причём перегиб стенок располагался в нижней части ёмкости, сообщая сосудам довольно оригинальную форму. На одном из сосудов с внешней стороны зафиксированы отчётливые отпечатки основы-циновки.

Несмотря на некоторую неоднородность, мы склонны рассматривать второй комплекс как единый. Посуду этого комплекса объединяют признаки, отличающие её от сосудов адо-тымковского типа: отсутствие ракушечной примеси и гребенчатой обработки поверхностей, введение в состав отощителя дроблёной кремнистой породы сургучного цвета, плоские венчики, следы грубой обработки пучком травы (?), часто встречающийся розоватый цвет поверхностей, следы лощения.

Керамическая посуда второго комплекса в отличие от адо-тымковского имеет аналогии в памятниках очень широкого круга, получивших распространение в бассейне Японского моря в раннем голоцене: протобойсманского (Бойсмана-2) [Морева и др., 2002; Морева, Попов, 2003; Морева, 2005] и рудинского типа (Рудная Пристань и др.) в Приморье [Батаршев, 2009], а также культуры пластинчатых наконечников стрел на Хоккайдо (Фуацуяма-3, Токоро-14, Меманбецу) [Кимура, 1999]. Для всех перечисленных комплексов типично украшать сосуды под венчиком узким поясом ямочных оттисков различных очертаний или оттисков фигурного стэка. Такая керамика встречается и в памятниках кондонской культуры на Амуре, однако для неё характерно либо обрамление фигурных оттисков гребенчатыми отпечатками, либо сочетание в комплексах с подобным образом оформленными сосудами [Шевкомуд, 2003; Шевкомуд, Горшков, 2007], что на сахалинской посуде не отмечается.

Определить более точно круг аналогий второму комплексу керамики со стоянки Адо-Тымово-2 сложно. Если принимать во внимание только орнамент, то нетрудно увидеть, что на сахалинской посуде представлены далеко не самые специфичные образцы узоров руднинско-кондонского типа. К последним, как известно, относятся фигуры ромба и тре-

угольника, а круг и прямоугольный оттиск встречаются среди них лишь эпизодично, особенно последний. В то же время именно прямоугольный и круглый штампы типичны для культуры пластинчатых наконечников на Хоккайдо, ромбы и треугольники здесь отсутствуют. Для протобойсманской посуды характерны скорее ямочные оттиски, нежели фигурные, но и здесь встречаются акцентированные прямоугольные отпечатки вертикальной ориентации, совсем как на посуде с Адо-Тымово-2 [Батаршев, 2009, рис. 62, 1].

В плане поиска аналогий очень показательны формы керамической посуды. Оба археологически целых сосуда из второго комплекса показывают одну и ту же закономерность — слегка закрытые очертания тулова в сочетании с низким расположением максимального диаметра. Из известных авторов керамических комплексов раннего неолита такие особенности морфологии свойственны только протобойсманской и бойсманской посуде [Морева, 2003; 2005]. Для посуды руднинско-кондонского круга также характерны закрытые очертания тулова, но в среднем они отличаются более высокими диаметрами [Неолит юга..., 1991; Дьяков, 1992; Батаршев, 2009]. Следует обратить внимание и на тот факт, что керамика раннего неолита Хоккайдо отличается ёмкостями открытого усечённо-конического контура, что не типично для посуды со стоянки Адо-Тымово-2 [Кимура, 1999; Китазава Минору, 1999]. В целом формы последней более тяготеют к материковым культурам. Однако интересно, что отпечатки циновки на дне одного из сосудов, напротив, указывают на южное направление связей, т.к. традиция формовки сосудов на основе была характерна для культур раннего неолита Сахалина (соны — щепка), Хоккайдо (культура пластинчатых наконечников — отпечатки ракушки, древесного листа) и более южных островов Японского архипелага (дзёмон — текстиль).

Таким образом, хотелось бы отметить, что пока нет реальных оснований для проведения каких-либо прямых и однозначных аналогий второму керамическому комплексу стоянки Адо-Тымово-2. Можно лишь говорить, что в нём нашли отражение те же тенденции, что определяли облик керамической посуды в пределах всего бассейна Японского моря в раннем голоцене. Любопытно, что менее всего такие тенденции проявились в гончарстве нижнеамурских культур; начиная с самых ранних этапов, здесь прочно закрепляются традиции гребенчатой орнаментации сосудов (ср. мариинский и раннекондонский комплексы) [Шевкомуд, Кузьмин, 2009]. Ещё сложнее определить возраст рассматриваемого комплекса. Так, комплекс керамики, близкий к сосудам из Адо-Тымово-2 со стоянки Футацуяма-3 на Хоккайдо, датируется старше 6460 ± 30 — 7190 ± 230 л.н. [Кимура, 1999], керамика руднинского типа со стоянки Рудная Пристань — в пределах 7390 ± 100 — 7690 ± 80 л.н. [Батаршев, 2009], керамика протобойсманского горизонта — старше 6700 — 6400 л.н. [Морева, 2005]. По-видимому, даты в интервале 7790 ± 65 — 7520 ± 70 л.н., полученные для стоянки Адо-Тымово-2, вполне могут быть соотнесены и со вторым её керамическим комплексом.

Таким образом, анализ керамической коллекции стоянки Адо-Тымово-2 свидетельствует о том, что в ней действительно представлены два керамических комплекса, по всей видимости, очень близких по времени и относящихся к ранним этапам неолита Сахалина. Один из них (адо-тымовский) весьма самобытен, на его основе сформировалось гончарство южносахалинской культуры. Второй, возможно чуть более ранний по времени (второй комплекс), отражает тенденции, общие для большинства культур раннего голоцена бассейна Японского моря, проявившиеся в материалах памятников руднинско-кондонской и протобойсманской культур Приморья и Приамурья, а также культуры пластинчатых накопителей стрел Хоккайдо.

Остаётся открытым вопрос о соотношении выявленных керамических комплексов с каменной индустрией памятника. К сожалению, аргументированного ответа на него дать пока невозможно, для этого необходимо проведение дополнительных полевых исследований. В то же время здесь можно отметить два интересных обстоятельства: во-первых, анализ материалов стоянки Адо-Тымово-2 позволяет сделать предположение о возможном присутствии в них каменных артефактов (крупные пластины из светлого алевролита) более раннего времени, чем те, которые могут быть соотнесены с ранним неолитом. Во-вторых, как известно из материалов по раннему неолиту Сахалина [Грищенко, 2009, 2010], для памятников этого этапа могут быть в равной степени характерны и пластинчатые, и бифасиальные индустрии. Следует обратить внимание на то, что для культуры сони была характерна только бифасиальная техника [Василевский, 2008 а], такой же камень сопровождал керамику, близкую к адо-тымовской, и на стоянках Венское-4 и Чайво-6 [Грищенко, 2008; Шубин, 2008]. Исходя из этого, можно сделать предположение, что в материалах стоянки Адо-Тымово-2 керамика, отошённая дроблёной ракушкой, также могла составлять комплекс с бифасиальными изделиями из камня. Что касается второго комплекса керамики, то, опираясь на его аналогии, можно сказать, что эта посуда могла ассоциироваться как с бифасиальной индустрией (Приморье), так и с пластинчатой (Хоккайдо, Амур).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Батаршев С.В. Руднинская археологическая культура в Приморье. Владивосток, 2009. 200 с.
2. Василевский А.А. Сони — культура среднего неолита на острове Сахалин // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт: материалы междунар. археол. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.П. Окладникова. Владивосток: ДВГУ, 2008 а. С. 36—48.
3. Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин // Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2008 б. 412 с.
4. Василевский А.А., Грищенко В.А., Орлова Л.А. Периодизация, рубежи и контактные зоны эпохи неолита в островном мире дальневосточных морей (в свете радиоуглеродной хронологии памятников Сахалина и Курильских островов) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1 (41). С. 10—25.

5. Голубев В.А., Жушиховская И.С. Неолитическая культура Южного Сахалина в свете анализа керамических комплексов // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР: сб. науч. тр. Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. С. 25—33.
6. Горбунов С.В. Археологические памятники Тымовского района // Вестн. Сахалинского музея. 2000. № 7. С. 264—285.
7. Грищенко В.А. Археологические исследования на поселении Чайво-6, пункт 2, в Ногликском районе Сахалинской области // Учён. зап. САХГУ. Южно-Сахалинск, 2008. Вып. 7. С. 26—37.
8. Грищенко В.А. Ранний неолит острова Сахалин: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 23 с.
9. Грищенко В.А. Хронологические границы и археологические критерии раннего неолита острова Сахалин // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой: сб. науч. тр. Владивосток, 2010. С. 89—101.
10. Дьяков В.И. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. Владивосток, 1992. 140 с.
11. Морева О.Л. Относительная периодизация комплексов бойсманской археологической культуры памятника Бойсмана-2 // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы междунар. конф. «Из века в век». Новосибирск, 2003. С. 66—72.
12. Морева О.Л. Керамика бойсманской культуры (по материалам памятника Бойсмана-2): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005.
13. Морева О.Л., Попов А.Н., Батаршев С.В. Взаимовлияние раннеолитических культур Приморского края (по керамическим материалам) // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 2002. Вып. 4. С. 31—49.
14. Морева О.Л., Попов А.Н. Культурная принадлежность остродонной керамики Бойсмана-2 // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы междунар. конф. «Из века в век». Новосибирск, 2003. С. 176—179.
15. Неолит юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чёртовые Ворота. М., 1991. 224 с.
16. Шевкомуд И.Я., Горшков М.В. К вопросу о кондонской культуре в Нижнем Приамурье // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнология, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск, 2007. Т. 2. С. 306—310.
17. Шевкомуд И.Я., Кузьмин Я.В. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск, 2009. С. 7—46.
18. Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Начало неолита в Приамурье: осиповская культура // Международный симпозиум «Первоначальное освоение человеком континентальной и островной части Северо-Восточной Азии» (Южно-Сахалинск, 18—25 сент. 2010 г.): Сб. науч. ст. Южно-Сахалинск, 2010. С. 118—134.
19. Шубин В.О. Археологические исследования в Ногликском районе Сахалинской области в рамках проекта «Сахалин-2» // Природа, история и культурное наследие Сахалинской области: Исследования и открытия: Материалы науч. конф., посвящ. 110-летию Сахалин. музея (1896—2006 гг.), г. Южно-Сахалинск, 27—28 ноября 2006 г. Южно-Сахалинск, 2008. С. 135—168.
20. Kimura H. (ed.). The blade arrowhead cultures over northeast Asia // Archaeological Series. 6. Sapporo: The Sapporo University, 1999.
21. Kuzmin Y.V., Vasilevski A.A., Gorbunov S.V., Burr G.S., Jull A.J.T., Orlova L.A., Shubina O.A. Chronology of prehistoric cultural complexes of Sakhalin Island (Russian Far East) // Radiocarbon. 2004. Vol. 46, No. 1. P. 353—362.
22. Китазава Минору. Дзёмон сооки хирадзоко докигун но ёсо = Изучение плоскодонной керамики периода раннего дзёмона // Симподзиуму кайкио то кита но коокогаку = Археология пролива и севера. Конгресс археологического общества в Куширо. Куширо, 1999. Т. 1. С. 273—363.
23. САХГУ — Сахалинский государственный университет.
24. СОКМ — Сахалинский областной краеведческий музей.